

УДК 94; 327; 341

DOI 10.32726/2411-3417-2021-4-82-90

Галина Шебалдина

Освобождение пленных: по материалам мирных соглашений между Россией и Швецией в XVI–XVIII вв.

Аннотация. Создание правовых норм, регулирующих статус и положение военнопленных, было длительным процессом. Оно начиналось с традиций, обычаев и практического опыта, накопленного в ходе военных конфликтов. Со временем, по мере развития гуманитарных начал мировоззрения и под сильным влиянием христианской морали и этики европейской цивилизации, происходили изменения в статусе и положении военнопленных. В данной статье этот процесс детально прослеживается на примере соответствующих договоров между Россией и Швецией, заключавшихся двумя государствами по окончании военных столкновений между ними на протяжении XVI–XVIII вв. Именно в этот период традиционная практика войн Средневековья постепенно дополнялась и сменялась в Европе новым подходом, связанным с консолидацией национальных государств. Формировались правила, ставшие предшественниками юридических статей международного военного права, в том числе и относящихся к военнопленным. Проведенное исследование помогает выявить предпосылки и особенности этого процесса.

Ключевые слова: военный плен, военнопленные, гуманитарное право, международные отношения, Россия, Швеция, Средние века и Новое время, дипломатия.

Период с XVI по XVIII в. был наиболее активным во взаимоотношениях России и Швеции — как в мирном, так и в военном формате. Это хорошо отражено в многочисленных двусторонних дипломатических актах.

Текст любой статьи мирного соглашения является результатом большой предварительной работы представителей всех сторон вооруженного конфликта, подписывающих договор. Канцелярские служители начинали подготовительную работу именно с того, что извлекали из архивов предшествующие мирные договоры и переписывали содержание соответствующих статей. Тем больший интерес представляет то, что появлялось в них нового и как это было связано с меняющейся действительностью.

Сведения об авторе: Шебалдина Галина Викторовна — доцент кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (РАНХиГС), научный сотрудник Научно-образовательного центра «Гуманитарный архив» Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), кандидат исторических наук, gshebaldina@yandex.ru.

Не рассматривая здесь историю формирования статуса военнопленного и его юридического оформления, упомянем некоторые моменты. С началом Нового времени в Европе отношение к военнопленным сочетало традиционную практику, основанную на предшествующем опыте войн Средневековья с его наемными отрядами отдельных феодальных владетелей (чья главная задача состояла в самообеспечении), и новый подход. Он был связан с формированием национальных государств, во главе централизованно управляемых армий которых находились те, для кого большое значение имел статус правителя, ведущего справедливую войну по правилам. Именно такие правила стали предшественниками юридических статей международного военного права, в том числе и относящихся к военнопленным.

При составлении мирных договоров была важна и роль собственного опыта государств. Международные договоры должны были устроить все стороны. Однако существовал раздел по линии принадлежности к «правильной» вере. Различия в положении христианских и мусульманских пленных — известная в историографии тема.

Судя по известным нам источникам, эволюция отношения к пленным на Руси соответствовала европейским тенденциям. Можно говорить только об определенном хронологическом отставании, но и оно в международных договорах не так заметно, как, например, в межкняжеских договорах периода феодальной раздробленности.

К XVI в. существовал, пожалуй, единственный непеременимый пункт мирных трактатов — взаимность отпуска военнопленных. При этом безвозмездность, освобождение от крестного целования, отдача на поруки и т.д. обрастали в большей или меньшей степени дополнительными условиями. Даже, казалось бы, очевидный шаг — освобождение пленных после окончания войны без выкупа долгое время было невозможно. Выкуп пленных оставался актуальным для европейских стран в течение всего XVI в., для русско-польских отношений — до начала XVII в., а в договорах с Османской империей и Крымским ханством — вплоть до первой половины XVIII в.

Исследователи считают, что прогресс в отношении положения военнопленных в Московском царстве начинается с договоров с Речью Посполитой. Как свидетельствуют документы, Иван IV уже активно использовал европейские тезисы об обязанности истинно христианского правителя думать о своих и чужих подданных, попавших в плен. Но при этом, обсуждая 5 июля 1566 г. со своими боярами предложение королевских послов отпустить пленных ранее съезда для заключения долгожданного мирного договора, он весьма прагматично рассуждает о потерях из-за неполученного выкупа за знатных литовских пленных: «... ино то рати на себя прибавляти а у себя казну убавляти» [Сборник... т. 71, с. 399].

Первым русско-шведским мирным договором, при подготовке которого обсуждался вопрос о порядке освобождения военнопленных с обеих сторон, стало перемирие, завершившее войну 1554–1557 гг. (или, как ее называют в Швеции, «Большую русскую войну»). Документ был подписан в Новгороде 25 марта 1557 г. сроком на 40 лет и стал

результатом многомесячных переговоров между представителями Ивана Грозного и Густава I Вазы.

Царь Иван, воспользовавшись благодушием противника, отказался от простого и полного отпуска пленных, на чем настаивала шведская сторона. Он очень четко разделил государственный и частный плен, при этом очевидно, что число пленных, находившихся в тюрьмах, то есть в «государственном плену», было во много раз меньше. Именно их Иван IV отпустил без всяких условий. Тех же, кто был в частных руках, царь милостиво разрешил выкупить по ценам, которые будут установлены их владельцами. Он позволил приехать «покупателям» — не указывая, будут это родственники или уполномоченные лица — и в Москву, и в Новгород, и в другие русские города [Сборник... т. 129, с. 42].

Не удалось решить вопрос об отпуске военнопленных в недолгий период дружбы и «братских» отношений с наследником Густава I, Эриком XIV. Договор, подписанный в Александровой слободе 15 февраля 1567 г., многие исследователи вслед за Г.В. Форстенем называют большим достижением русской дипломатии. Но претворить в жизнь достигнутое не удалось — смещение Эрика XIV и восшествие на престол Юхана III среди прочего сделало актуальным вопрос об освобождении пленных.

Тема выкупа пленных завуалированно возникала при разработке Ям-Запольского перемирия с Речью Посполитой и Плюсского перемирия со Швецией. Но решение вопроса перенесли по взаимной договоренности на будущее.

Долгожданный русско-шведский договор о «вечном мире» был подписан у р. Наровы при Тявзине 18 мая 1595 г. Стоит отметить, что и структура, и содержание позволяют рассматривать его как своего рода образец договоров следующего, XVII в.

Текст, размещенный в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских», начинается традиционным перечислением титулатуры правителей — Сигизмунда III и Федора Иоанновича — и состоит из нескольких нумерованных параграфов. Первые из них — важнейшие: территориальные разделы и обязательства мирных намерений сторон. Следующие в некоторой степени затрагивают вопросы торговли и свободного плавания, а также обязательного удовлетворения долговых обязательств. Текст об отпуске военнопленных не выделен отдельно. Он следует за обязательством не грабить выброшенное во время кораблекрушений на берег имущество и определением порядка сбора пошлин с лопарей, проживающих на территории обоих государств.

«Равно мы, Великие Послы, уговорились и решили, что все пленные, как Дворяне, так и простые люди, малые и большие, с обеих сторон должны быть освобождены, без всякаго выкупа, или обмена, и никого отнюдь не принуждать оставаться, разве они по собственному добровольному согласию пожелают остаться там, где находятся. Также должны и все пленные, будь то Шведы, Финны или Эстонцы, которые были взяты

в плен в землях и замках, находящихся под Шведским владычеством, или которые были взяты на поле сражения и служили Шведскому Государству, все те пленные также должны быть освобождены безпрекословно. Точно также как и те (пленные), которые были взяты в плен в Руси в Татарской земле (Tattie), или такие, которые взяты по замкам, либо на поле сражения, и уведены в Шведское Государство, должны быть тоже освобождены, и все пленные с обеих сторон должны быть безопасно препровождены на рубежи. Русскому народу должно быть также предоставлено посылать своих людей отыскивать всех Русских пленных в Швеции, Финляндии и Эстляндии, и должны все безпрепятственно быть освобождены. То же должно быть предоставлено Шведам, Финнам и Эстонцам отыскивать всех пленных в России, и их точно так же должно освобождать» [Чтения... книга вторая, с. 6–7].

Можно выделить несколько важных положений:

- освобождению безо всякого обмена или выкупа подлежат все пленные, какого бы они чина и звания ни были;
- кроме взятых в плен на поле сражения, выделена категория взятых «по замкам»;
- принять решение остаться пленными могут только добровольно;
- свобода предоставляется представителям всех народов, которые находились на службе своему монарху на момент взятия в плен;
- назначение специальных уполномоченных для отыскания пленников и отправки на родину.

Но этот договор так и не был ратифицирован ни одним из правителей. Федор Иоаннович скончался, а пришедший ему на смену Борис Годунов посчитал договор невыгодным. Короля Сигизмунда в тот момент гораздо больше интересовали события в Польше.

Решение вопроса о военнопленных вновь было отложено. Между тем наступившее вскоре Смутное время, сопровождавшееся шведской и польской интервенциями, привело к стремительному росту количества военнопленных — как ратных людей, так и гражданских лиц. Проблемы, связанные с их содержанием, давление на власти со стороны родственников знатных пленных, которые любым способом (выкупом или обменом) хотели помочь своим близким, — все это было причиной того, что еще до заключения мирного договора шведы неоднократно ставили на повестку дня вопрос об обмене пленными.

Подготовка Столбовского мирного договора была длительной. Наибольшие споры развернулись вокруг территориального разграничения и титулования государей (проблема, которая была одной из ведущих на протяжении всего XVII в. в отношениях России и Швеции). Вопрос отпуска пленных, как и ряд вопросов торговых отношений, не вызвали затруднений. Еще в первых статьях, подписанных 3 декабря 1616 г. графом Якобом Делагарди и английским послом Йоханесом (Иваном) Мериком, представлявшим русского царя, сделано особое указание, что они решаются в соответствии с Тявзинским и Выборгским мирными соглашениями.

В итоге статья о военнопленных Столбовского мирного договора, подписанного после долгих согласований 27 февраля 1617 г., гласила:

«А всем полоненником, какова они чина или народа ни буди: и тем ныне тотчас, сколь скоро сей мирный договор здесь совершится, с обе стороны, без всякаго окупа, на рубеже освобожденным и отпущенным быти. А будет которые ныне столь далече в Свейском Королевстве, или в Российском Царствии, что им столь скоро не мочно на рубеж быти, и тем безо всякаго задержания и хитрости Июня к 1 числу нынешняго 1617 году с обе стороны на рубеже меж Орешка и Ладоги к реке к Лавуе приведенным и тамо безо всякаго окупа освобожденным и отпущенным быти. А которые будет на которой стороне добровольно остаться и служить похотят: и то им на воле быти» [Полное собрание... т. I, №19, с. 186–187].

Помимо отсутствия каких-либо ограничений предоставления свободы, связанных со званиями и национальностью, пленные объявлялись свободными без всякаго выкупа. Любопытны формулировка об «освобождении на рубеже», а также впервые появившееся в русско-шведских договорах определение конкретной даты (в данном случае — 1 июня 1617 г.), до которой было необходимо «привести» к рубежу находившихся «далече в Свейском Королевстве, или в Российском Царствии»; названо и конкретное место на границе, где будет происходить отпуск пленных. Здесь же вскользь обозначена проблема, которая оставалась актуальной еще многие десятилетия, — нежелание отпускать пленных их частными «владельцами».

Валиесарское перемирие 1658 г., по мнению Г.В. Форстена, было результатом стремлением шведского короля Карла X выйти из состояния войны с Россией, отнимавшей много денег и сил, и сосредоточиться на разрешении конфликтов с европейскими противниками. Их к середине XVII в. у Швеции было предостаточно [Форстен, с. 316–317]. Заключенное (что интересно, русскими на 20 лет, а шведами на 3 года) перемирие это современники считали необыкновенно удачным для шведов и недоумевали, почему русские не воспользовались открывшимися возможностями что-либо выторговать для себя. Даже вопрос о титуловании не вызвал бурных дискуссий. Как указывали Е.И. Кобзарева и вслед за ней Б.Н. Флоря, возможная причина состояла в том, что обе стороны были заняты решением более актуальных для них на тот момент политических задач, а перемирие рассматривалось как промежуточный шаг к их решению [Кобзарева; Флоря].

В статье перемирия, касавшейся освобождения военнопленных, можно обнаружить новые предложения, которые являлись результатом осмысления практики выполнения предшествующих соглашений. Статья 10 гласила:

«Всех полонянников, какого чину и достоинства и природы они ни суть, которые в нынешнем воинском времени взяты в полон, или инако некакою мерою задержаны суть, именно тех, которые в ближних местах или в крепостях сыщутся ныне вскоре, а иных, которые далеко живут, до Марта 1 числа 1659, а тех, которые в самых дальних

местах задержаны живут, в год изо дня в день без всякого откупа, на ближайšie города через рубеж, вольно освобожденных и развязанных выдать; а которые с доброй воли на обе стороны остаться, или служить похотят, и тем то быть на воле» [Полное собрание... т. I, № 240, с. 473].

Во-первых, стоит отметить, что субъектами действия этого положения указаны плененные именно в этой войне, а не все, кто «накопился» за прошедшие годы. Во-вторых, срок возвращения увеличен до года для тех, кто находился в самых отдаленных местах. Кроме того, уже не указывается конкретное место доставки пленных, а речь предостаточно идет о городах на рубеже. Можно предположить, что эти изменения связаны с трудностями, с которыми столкнулись власти при возвращении пленных после договора 1617 г.

Наконец, обращает на себя внимание упоминание в договоре тех, кто не были взяты на поле боя, а «инако некакою мерою» были задержаны. В связи с этим интересно указание стольнику В.К. Безобразову от 8 июля 1659 г. В ней дается ссылка на договорные статьи полномочных послов боярина И.С. Прозоровского и Г. Бьелке, где написано: «полоняников, которые взяты в нынешнюю войну в Российское государство, какого они чину или народу ни буди, или в торговлях задержаны нынешнею войною, которые не приняли веры греческого закону... а которые люди в нынешнюю войну от воинских людей из завоеванных городов и земель и уездов разбежались, и тем дать воля, кто где жити похочет, и в свои дома приходити» [Акты... № 1143, с. 671].

Фактически это соединение двух статей Валиесарского договора: 10-ой и 11-ой. Здесь расшифрована категория задержанных «некакою мерою» и, что особенно важно, указано, что возврату не подлежат принявшие православие. Вставить это уточнение в мирный договор помешало нежелание обострять переговоры со шведами.

Внешнеполитическая ситуация привела к тому, что уже в сентябре 1659 г. начались переговоры о заключении «вечного мира» между Россией и Швецией, закончившиеся подписанием 21 июня 1661 года договора в Кардисе. Обратим внимание на статью 20 Кардисского мирного договора: «Всеи полоняникам с обеих сторон, какого чина или природы они ни могут быти, кроме тех, которые в Российском Царствии Греческую веру добровольно приняли, без отказа, где они ни есть, свобоженыи, и чрез рубеж к ближайшей крепости, другого Великого Государя приказным людям отданныи быти; а те, которые доброю волею на одной или на другой стороне хотят служить, и тем то вольно и повольно быти» [Полное собрание... т. I, № 301, с.544].

Вскоре оказалось, что полномочные послы Б. Горн и И.С. Прозоровский увезли своим правителям для ратификации разные варианты договоров. В шведском варианте договора (и это было обнаружено не сразу) отсутствовала фраза о том, что отпуску не подлежат пленные, которые добровольно приняли православие. Это особенно интересно ввиду попыток русских властей внести подобное условие в предшествующие соглашения. Очевидно, проблема крещения пленников была настолько актуальна, что требовалось закрепить их статус законодательно.

Потребовались специальные переговоры и, как следствие, «Обнадеживание» шведского короля Карла XI от 22 апреля 1662 г. о его согласии принять эту «описку» русских дипломатов и тем самым — удержание тех пленных, которые приняли «Греческую веру» [Полное собрание... т. I, № 301, с. 550-551]. Этот документ весьма примечателен. Стремление регентского совета при малолетнем короле как можно быстрее завершить все военные конфликты лишь частично объясняет «великодушные» шведской стороны. Возможно, оно связано также и с тем, что полученные выгоды от этого мира затуманили шведам голову, невольно обрекая сотни плененных и депортированных в эту и последующие войны на разлуку с родиной.

Очевидно, что трактовка, предложенная шведскими властями, настолько устраивала русские власти, что именно ее (делая специальную оговорку, что она подписана шведским королем 22 апреля 1662 г.) они внесли в статью 3 Плюсского договора, заключенного 12 октября 1666 г. [Полное собрание... т. I, № 395, с. 642]

В пункте об отпуске военнопленных появились и новации. В частности, стороны договаривались о том, что те православные, которые жили на территории шведского королевства и были взяты в плен русскими войсками, могли выбрать: остаться или уехать в Швецию. Это была весьма щедрая уступка со стороны России, учитывая, насколько бескомпромиссными были русские церковные власти, когда речь заходила о пастве.

Первый русско-шведский мирный трактат XVIII в., Ништадтский, на фоне предшествующих договоров был гораздо более полным и, казалось, охватывал все наиболее важные аспекты освобождения военнопленных после окончания военных действий. Это объяснялось не только европейскими устремлениями Петра Великого. Обстоятельств, которые могли повлиять на это, довольно много. Изменения в содержании дипломатических документов — обоюдный процесс: не только Россия, но и Швеция оказалась готова к разработке, согласованию и принятию новых формулировок, общий дух которых соответствовал бы эпохе Просвещения и господства разума. Кроме того, нельзя забывать о стремлении Петра к тотальной регламентации, в которой он видел средство избежать ошибок исполнителей договора.

В статье 14 заключенного 30 августа 1721 г. Ништадтского договора было написано:

«С обеих сторон военные пленники, какой бы нации, чина и состояния ни были, имеют тотчас по воспоследованной ратификации сего мирного трактата без всякого выкупа, однако ж когда всякий наперед либо во учиненных каких долгах, или разделку учинит, или в платеже оных довольственную и справедливую поруку даст, из плена освобождены, на совершенную свободу выпущены и с обеих сторон без всякого задержания и в некоторое уреченное по расстоянию мест, где оные пленники ныне обретаются, пропорциональное время до границ с надлежащими подводками безденежно по возможности выпровождены быть. А те, которые у одной или другой стороны службу приняли или инако в землях одной или другой стороны остаться намерены будут, в том без изъятия всякую свободу и совершенную мочь иметь. Сие же разумеется и о

всех во время сей войны от одной или другой стороны увезенных людях, которые та-кож по своему произволу остаться или в дома свои свободно и без помешательства возвратиться могут и имеют, кроме тех, которые по своему желанию веру Греческого исповедания приняли, которые на стороне Его Царского Величества остаться имеют; для чего обе высокодоговаривающиеся стороны в своих землях публичными указами о сем опубликовать и объявить изволят» [Полное собрание... т. VI, № 3819, с. 428].

Первое, на что здесь стоит обратить внимание, — указание, что этот пункт вступит в действие после его ратификации договаривающимися сторонами. Упорядочен отпуск на свободу тех, кто во время долгого плена был вынужден взять деньги в долг. Для того чтобы отправиться домой, он должен либо вернуть займ, либо предоставить поручителя в том, что деньги будут возвращены в установленный срок.

Учитывая, что география размещения пленных каролинов¹ была очень обширной, оправданным представляется отказ от установления конкретных дат и сроков возвращения. Существенно в связи с этим указание на предоставление местными властями подвод, и «по возможности» безденежно.

Интересно, что впервые названы вместе группы тех, кому предоставлено право самостоятельно выбрать: уехать или остаться. Речь идет о привычной (в этом контексте) группе — поступивших на службу другой стороне, а также о новой — «от одной или от другой стороны увезенных людях». Принципиально важным для разработчиков этого положения является то, что не отпускались на родину те, кто «по своему желанию веру Греческого исповедания приняли».

Еще одно важное формальное новшество статьи состояло в указании на то, что условия отпуска военнопленных будут опубликованы и доведены до сведения всех подданных. Учитывая, что некоторое количество пленных и, особенно депортированных жителей прибалтийских провинций, находилось в частных руках, правители тем самым давали понять, что не оставят без внимания случаи нарушения правил. Как показали дальнейшие события, намек был услышан не всеми: под давлением шведских уполномоченных русским властям пришлось еще не раз выпускать грозные указания о возврате пленных в их отечество.

В ходе Великой Северной войны Швеция навсегда распростилась с идеей великодержавия, но в последующие десятилетия предпринимала несколько попыток пересмотра условий мирного договора, в первую очередь территориальных положений. Статьи о порядке освобождения военнопленных в целом остались без существенных изменений как в Абоском 1743 г., так и в известном своей лаконичностью Верельском мирном договоре 1790 г. Тем не менее в последнем соглашении в соответствующей статье появляются новые элементы.

1 Каролинами называли воинов шведских королей Карла X, Карла XI и Карла XII.

«Военнопленные, и всякие другие не носившие оружия и в продолжение неприятельских действий взятые воюющими Державами, — говорилось там, — будут с обеих сторон освобождены без всякого выкупа, и вольно им будет возвратиться восвояси, не требуя взаимно никакого удовлетворения расходов, употребленных на их содержание; но обязаны они будут заплатить частных людей на них долги в обоюдных Государствах» [Полное собрание... т. XXIII, № 16893, с.161].

Текст статьи оригинален, и стилистика его заметно изменилась, став не такой тяжеловесной, что не удивительно, учитывая эпоху правления и личность Екатерины Великой. В сложившийся образ просвещенной законодательницы и в то же время рачительной хозяйки великой империи вполне укладывается новое уточнение: отказ сторон от возмещения государственных расходов на содержание пленных.

Отдельно следует отметить, что Екатерина II исключила из договора одно из самых спорных и чувствительных положений предшествующих мирных соглашений — задержание тех, кто принял во время нахождения в плену православие. Этот факт доказывает то, что к концу XVIII в. в российском государстве формируется военное гуманитарное право, соответствующее европейским тенденциям.

Подводя итог, следует отметить, что дискурсивное поле данной тематики чрезвычайно обширно, и его изучение способно привести к очень интересным и, возможно, неожиданным выводам.

Литература

Акты Московского государства. Том II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659 гг. СПб. 1894. № 1143.

Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 гг. М. 1998.

Полное собрание законов Российской Империи. Т. I; VI; XXIII. СПб. 1830.

Сборник Русского исторического общества. Т.71, СПб. 1892; Т.129, СПб. 1910.

Флоря Б.Н. Русско-шведские мирные переговоры в Валиесаре (1658 г.) и Речь Посполитая // Славяноведение. М. 2005. № 2.

Форстен Г.В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. // Журнал министерства народного просвещения. СПб. 1898. Февраль.

Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М. 1868. Апрель-Июнь.